

УДК 336.2

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2026-16-2-33-43>

Налогообложение экономической деятельности по разработке или использованию искусственного интеллекта и роботизации

О.А. Тарасенко¹ ✉

¹ Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
ул. Садовая-Кудринская, д. 9, г. Москва 125993, Российская Федерация

✉ e-mail: oatarasenko@msal.ru

Резюме

Актуальность. Внедрение технологий искусственного интеллекта и роботизации определяет конкурентоспособность экономики любой страны мира на современном этапе и детерминирует изменения архитектуры прямого и косвенного налогообложения лиц, использующих эти технологии. Поиск разнородной, дифференцированной и замкнутой модели фискальной политики в отношении лиц, разрабатывающих или использующих технологии искусственного интеллекта и роботизации, позволит развивать указанный сегмент экономики.

Цель исследования заключается в оценке текущего состояния налогообложения экономической деятельности по разработке или использованию искусственного интеллекта и роботизации в отечественном и зарубежных правовых порядках и поиске релевантного регулирования.

Задачи: определить различия между искусственным интеллектом и роботом; проанализировать экспертные данные о внедрении искусственного интеллекта и роботизации в экономику России и зарубежных стран.

Методология. Для достижения поставленной цели применялись методы научного познания: анализ, синтез, системно-аналитический, формально-логический, системно-правовой, с помощью которых автором осуществлен аналитический обзор отечественного и зарубежного законодательства, определена специфика исследуемых правоотношений и предложены пути решения выявленных правовых проблем.

Результаты. Делается центральное заключение о том, что фискальную политику в отношении экономической деятельности, связанной с искусственным интеллектом и роботизацией, необходимо разделить на: 1) поддерживающую налоговую политику в отношении лиц, занимающихся разработкой и обучением искусственного интеллекта и роботизации; 2) консервативную (или прогрессивную) политику налогообложения лиц, осуществляющих деятельность с применением искусственного интеллекта и роботизации.

Вывод. Предлагаются правовые конструкты системы налогообложения экономической деятельности, связанной с разработкой или использованием искусственного интеллекта и роботизации.

Ключевые слова: искусственный интеллект; роботизация; налогообложение; правовой инжиниринг; налоговый контроль; интеллектуальная собственность; наукоемкая продукция.

Финансирование: Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет 2030».

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Тарасенко О.А. Налогообложение экономической деятельности по разработке или использованию искусственного интеллекта и роботизации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2026. Т. 16, № 2. С. 33–43. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2026-16-2-33-43>.

Поступила в редакцию 03.03.2026

Принята к публикации 02.04.2026

Опубликована 29.04.2026

© Тарасенко О.А., 2026

Taxation of economic activities related to the development or use of artificial intelligence and robotics

Olga A. Tarasenko¹ ✉

¹ Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
9 Sadovaya-Kudrinskaya Str., Moscow 123995, Russian Federation

✉ e-mail: oatarasenko@msal.ru

Abstract

Relevance. The introduction of artificial intelligence and robotisation technologies determines the competitiveness of any country's economy at the present stage and determines changes in the architecture of direct and indirect taxation of entities using these technologies. The search for a multi-level, differentiated and integrated model of fiscal policy towards persons developing or using AI and robotisation technologies will enable the development of this economic segment.

The purpose of this study is to assess the current state of taxation of economic activities related to the development or use of AI and robotisation in domestic and foreign legal orders and to identify relevant regulation.

Objectives: to identify the differences between artificial intelligence and a robot; to analyse expert assessments on the integration of AI and robotisation into the economies of Russia and foreign countries.

Methodology. To achieve the stated objective, the author applied methods of scientific inquiry, namely analysis, synthesis, systemic-analytical, formal-logical and systemic-legal methods. Using these methods, the author carried out an analytical review of domestic and foreign legislation, determined the specific features of the legal relations under study, and proposed solutions to the identified legal problems.

Results. The central conclusion is that fiscal policy with respect to economic activities involving AI and robotisation should be divided into: (1) supportive tax policy for persons engaged in the development and training of AI and robotisation; (2) conservative (or progressive) tax policy for persons carrying out activities using AI and robotisation.

Conclusion. The study proposes legal constructs for a system of taxation of economic activities related to the development or use of artificial intelligence and robotisation.

Keywords: artificial intelligence; robotics; taxation; legal engineering; tax control; intellectual property; high-tech products.

Funding: The research was carried out within the framework of the strategic academic leadership program "Priority 2030".

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Tarasenko O.A. Taxation of economic activities related to the development or use of artificial intelligence and robotics. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2026;16(2):33–43. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2026-16-2-33-43>.

Received 03.03.2026

Accepted 02.04.2026

Published 29.04.2026

***

Введение

Исследование проблематики, находящейся в фокусе настоящей статьи, резонно предварить определением категориального аппарата. В российском правовом порядке дефинируются следующие термины:

– *искусственный интеллект* – комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека с целью получения резуль-

татов, сопоставимых с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящих их¹;

¹См.: О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»); Указ Президента РФ от 10 окт. 2019 г. № 490: [ред. от 15.02.2024] // Консультант-Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/ (дата обращения: 16.01.2026).

– робот – программируемый исполнительный механизм, обладающий определенным уровнем автономности и предназначенный для выполнения перемещения, манипулирования или позиционирования¹.

Исходя из указанных определений, искусственный интеллект и робот имеют принципиальное различие. Робот – прежде всего, механизм, обладающий физическим телом, а искусственный интеллект бестелесен. Следует отдельно отметить, что техническое существо работы искусственного интеллекта до настоящего времени до конца неизвестно, что позволяет говорить о нем в определенной степени как о модели черного ящика (с присутствующими ему рисками). При этом искусственный интеллект может быть совмещен с роботом, что повышает уровень рисков. Нельзя не сказать также о том, что работа искусственного интеллекта в определенной степени находится под влиянием интернет-контента, т. к. его обучение часто происходит на базе интернет-ресурсов. Соответственно, явления и элементы, масштабно представленные в сети Интернет, занимают аналогичное по размеру место в «сознании» искусственного интеллекта, хотя в реальном мире, в отличие от виртуального, их роль куда скромнее. В этой связи появляются даже предложения о сдерживании доступа искусственного интеллекта к сети Интернет [1, с. 9].

Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации выделяет исчерпание возможностей экономического роста России, основанного на экстенсивной эксплуатации сырьевых ресурсов, на фоне формирования экономики данных, ускоренного развития и внедрения технологий искусственного интеллекта во всех отраслях экономики и

социальной сферы как один из наиболее значимых вызовов для ее научно-технологического развития. Она же предостерегает от появления ограниченной группы стран-лидеров, обладающих передовыми производственными технологиями², к числу которых определённо относятся искусственный интеллект и роботизация.

Между тем в своём исследовании мирового внедрения технологий искусственного интеллекта Институт экономики искусственного интеллекта, принадлежащий цифровому гиганту Microsoft, относит Россию к категории стран с самой низкой долей пользователей генеративным искусственным интеллектом: только 8% населения. В рейтинге данного института этот показатель находится лишь на 119 месте из 147 участников рейтинга, а в странах-лидерах генеративным искусственным интеллектом пользуются 40 – 60% населения: ОАЭ – 64%; Сингапур – 60,9%; Норвегия – 46,4%; Ирландия – 44,6%; Франция – 44,0%; Испания – 41,8%; Новая Зеландия – 40,5%; Нидерланды – 38,9%; Великобритания – 38,9%; Катар – 38,3%³.

Несмотря на определённый вес этого исследования, методология оценки и источники данных (особенно о российском рынке) вызывают вопросы. Свои выводы Институт экономики искусственного интеллекта строит преимущественно на данных об исследовании продуктов компании Microsoft, а потребление конкурентов оценивается по остаточному принципу.

² О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: Указ Президента РФ от 28 февр. 2024 № 145 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2024. № 10, ст. 1373.

³ Global AI Adoption in 2025 – A Widening Digital Divide // Microsoft: site. URL: <https://www.microsoft.com/en-us/research/wp-content/uploads/2026/01/Microsoft-AI-Diffusion-Report-2025-H2.pdf> (дата обращения: 11.02.2026).

¹ См.: ГОСТ Р 60.0.04-2023/ISO 8373:2021. Национальный стандарт Российской Федерации. Роботы и робототехнические устройства. Термины и определения. М.: ФГБУ «Институт стандартизации», 2023. IV, 24 с.

Что касается рейтинга мировых лидеров по парку промышленной роботехники в 2024 г., то он выглядит следующим образом:

1. Китай – 2 027 200 единиц.
2. Япония – 450 500 единиц.
3. США – 393 700 единиц.
4. Южная Корея – 391 900 единиц.
5. Германия – 278 900 единиц.
6. Италия – 101 200 единиц.
7. Тайвань – 91 900 единиц.
8. Франция – 60 500 единиц.
9. Мексика – 59 300 единиц.
10. Индия – 52 600 единиц.

При этом в Российской Федерации по состоянию на 2024 г. насчитывалось 20 864 робота¹.

Методология

В статье использовались методы анализа, синтеза, системный подход, сравнительно-правовой метод. Использование методов анализа и синтеза позволило охарактеризовать специфику современного состояния правового регулирования налогообложения лиц, разрабатывающих или использующих технологии искусственного интеллекта и роботизации, опираясь на действующие нормативные правовые акты. Использование системного подхода привело к структурированному изложению материала. Сравнительно-правовой метод позволил осуществить аналитический обзор действующего отечественного и зарубежного законодательства, определить специфику исследуемых правоотношений и выработать пути решения выявленных правовых проблем.

Результаты и их обсуждение

Переходя к непосредственному исследованию национальной фискальной политики, сопровождающей экономиче-

скую деятельность, осуществляемую с использованием искусственного интеллекта и роботизации², отметим, что в науке предпринимательского права и налогового права эта проблематика до настоящего времени не подвергалась глубокому анализу. Вместе с тем в опубликованных трудах этот вопрос уже был обозначен в качестве повестки. Так, О.И. Лютова пишет о том, что в контексте цифровизации экономики изменяется архитектура прямого и косвенного налогообложения лиц, использующих технологию искусственного интеллекта и роботизацию [2]. Аналогичной позиции придерживается Е.В. Рябова [3]. Несомненно, что указанные авторы обнаружили значимость данной проблематики, однако осуществили лишь первичный задел, поскольку подвергли анализу в основном налоговые предпочтения лиц, разрабатывающих или внедряющих искусственный интеллект и роботизацию и не произвели разграничения между субъектами налогообложения, осуществляющими разработки в области искусственного интеллекта и робототехники (в меньшей степени), и субъектами налогообложения, просто применяющими данные технологии.

Представляется, однако, что в контексте развития экономической деятельности, осуществляемой с помощью искусственного интеллекта и роботизации, необходимо говорить о двух совершенно разных направлениях фискальной политики:

1) поддерживающая налоговая политика в отношении лиц, занимающихся разработкой и обучением искусственного интеллекта и роботизации;

2) трансформация налогообложения лиц, осуществляющих деятельность с применением искусственного интеллекта и роботизации.

Хотя отдельные ученые отмечают, что «фискальная политика нацелена на

¹ Международная федерация робототехники: World Robotics 2025 Report // ICT.Moscow: [сайт]. URL: <https://ict.moscow/projects/ai/research/world-robotics-2025-report> (дата обращения: 12.02.2026).

² В контексте данной статьи под роботизацией понимаются процессы разработки и применения роботов.

стимулирование разработки и активного внедрения роботов и искусственного интеллекта» [3, с. 108], анализ исследуемого регуляторного окна, сформированного к концу 2020 г., позволяет говорить о том, что налоговая политика в отношении экспериментов по внедрению искусственного интеллекта и роботизации носит разновекторный характер. В частности:

– согласно п. 1 ст. 246.1 Налогового кодекса РФ (часть вторая), организации, получившие статус участников проекта по осуществлению исследований, разработок и коммерциализации их результатов, в соответствии с Федеральным законом «Об инновационном центре “Сколково”»¹ либо участников проекта в соответствии с Федеральным законом «Об инновационных научно-технологических центрах...»² в течение 10 лет со дня получения ими статуса имеют право на освобождение от исполнения обязанностей налогоплательщиков;

– согласно п. 8 ст. 5 Федерального закона «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации» (далее – Закон об ЭПР)³ установление экспериментального правового режима не является основанием для предо-

ставления его участникам налоговых льгот;

– Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве...»⁴ не содержит специальных налоговых оговорок в отношении участников эксперимента.

Регуляторное окно в отношении налогообложения деятельности, связанной с использованием искусственного интеллекта и роботизации также неоднородно. По общему правилу, что следует из Указа Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490, налоговые льготы как меры, направленные на развитие искусственного интеллекта, не предусмотрены. Вместе с тем отдельные налоговые преференции по налогу на прибыль предусмотрены, к примеру, для организаций, приобретающих и внедряющих технологии искусственного интеллекта⁵.

¹ Об инновационном центре «Сколково»: Федер. закон от 28 сент. 2010 г. № 244-ФЗ: послед. ред. // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_105168/ (дата обращения: 16.01.2026).

² Об инновационных научно-технологических центрах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон от 29 июля 2017 г. № 216-ФЗ: послед. ред. // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_221172/ (дата обращения: 16.01.2026).

³ Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации: Федер. закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ: послед. ред. // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358738/ (дата обращения: 16.01.2026).

⁴ О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве, об особенностях обработки персональных данных при формировании региональных составов данных и предоставления доступа к региональным составам данных и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»: Федер. закон от 24 апр. 2020 г. № 123-ФЗ: послед. ред. // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_351127/ (дата обращения: 16.01.2026).

⁵ См.: О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации: Федер. закон от 14 июля 2022 г. № 323-ФЗ: послед. ред. // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_421955/ (дата обращения: 16.01.2026).

Таким образом, к настоящему моменту наукоемкая модель правового инжиниринга [4] в отношении налогообложения деятельности по развитию искусственного интеллекта и роботизации не определена. Существующие регуляторные окна характеризуются разнородностью. При этом следует сказать, что наибольшее количество разработок, касающихся внедрения искусственного интеллекта и роботизации в экономику, проходит тестирование в рамках Закона об ЭПР, что не позволяет участникам эксперимента претендовать на получение налоговых льгот. Так, согласно данным Реестра экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций, по состоянию на 16 февраля 2026 г. в 16 из 19 действующих ЭПР применяются технологии искусственного интеллекта или роботизации¹. Также следует обратить внимание, что норма Федерального закона «Об инновационном центре “Сколково”», согласно которой участники проекта в течение 10 лет со дня получения ими статуса имеют право на освобождение от исполнения обязанностей налогоплательщиков, носит общий характер, поскольку таковыми являются компании любого инновационного профиля. Разумеется, что среди них есть и роботехнические компании, и разработчики технологий искусственного интеллекта, однако их удельный вес невелик, а грантовые инструменты на их поддержку каждый год теряют свою значимость. Налогообложение же экономической деятельности, осуществляемой с использованием искусственного интеллекта и роботизации, по сути, представляет собой правовую лакуну.

¹ См.: Реестр экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций // Министерство экономического развития Российской Федерации: сайт. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/gosudarstvennoe_upravlenie/normativnoe_regulirovaniye_cifrovoy_sredy/eksperimentalnye_pravovyye_rezhimy/reestr_eksperimentalnyh_pravovykh_rezhimov/ (дата обращения: 05.02.2026).

В контексте настоящего исследования логично рассмотреть фискальную политику зарубежных государств – лидеров внедрения искусственного интеллекта и роботизации. Поиск и анализ релевантного регулирования показал, что в наибольшей степени данному вопросу уделил внимание законодатель Соединенного Королевства (UK). В частности, в Великобритании с 2000 г. действует процедура подачи заявок на налоговые льготы для субъектов корпоративного налогообложения, чья деятельность соответствует критериям инновационности. Так, деятельность от разработки алгоритмов машинного обучения до создания программных решений в сфере искусственного интеллекта и роботизации подлежит налоговой компенсации², составляющей до 20% налогов с затрат на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы³.

И это только начало. Отдельный налоговый вычет в рамках ежегодной инвестиционной квоты (Annual Investment Allowance, AIA) положен компаниям за инвестиции в капитальную инфраструктуру искусственного интеллекта и робототехники (например, высокопроизводительное вычислительное оборудование, серверную инфраструктуру и системы хранения данных, специализированное оборудование для разработки, офисную технику и технологическую инфраструктуру). Его размер – 100% расходов на капитальные инвестиции в пределах 1 млн фунтов.

Для разработчиков искусственного интеллекта и роботов, имеющих вещественные результаты (зарегистрированные патенты или аналогичную интеллектуальную собственность), предусмотрена

² Не является аналогом налогового вычета, т. к. представляет собой прямую компенсацию налоговой выплаты.

³ Research and Development (R&D) tax relief // GOV.UK: site. URL: <https://www.gov.uk/guidance/corporation-tax-research-and-development-tax-relief-for-small-and-medium-sized-enterprises> (дата обращения: 12.02.2026).

специальная ставка корпоративного налога в размере 10% в рамках режима Патентного ящика. При этом применим режим исключительно к оперативной прибыли, относящейся непосредственно к зарегистрированной интеллектуальной собственности¹.

Кроме того, подлежит возмещению часть НДС, уплаченного при оплате некоторых цифровых сервисов: лицензий на программное обеспечение, услуг поддержки, облачных вычислений, хостинга, а также консультационных услуг и др.²

В случае если компания относится к малому и среднему бизнесу и в фискальном году была убыточной, она также может претендовать на 86% налогового вычета от той части налогооблагаемой базы, которая представляет собой расходы на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы. Если валовый объем налоговой базы у убыточного представителя малого и среднего бизнеса, с учётом всех вышеперечисленных вычетов, окажется отрицательным (в годы с высокой инвестиционной активностью это вполне возможный сценарий), то компания может получить даже денежную выплату от государства в размере до 14,5% от понесённых убытков³.

Большая часть этих мер внедрены не эксклюзивно для робототехники и искусственного интеллекта, а носят общий характер и, по сути, органически проистекают из многовековых традиций поддержки

инновационного бизнеса. При этом они постоянно актуализируются, и если сравнить количество усилий, необходимых для получения статуса участника «Сколково», то процедура подачи заявки на налоговую компенсацию за научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы в Великобритании относительно проста, львиная доля таких заявок (75–92%) рассматривается в течение сорока дней.

В то же время британские налоговые органы постфактум проверяют часть заявок на соответствие требованиям и нередко возвращают в казну неправомерно начисленную поддержку. Так, по итогам 2022 фискального года государство вернуло себе 288 млн фунтов, а по итогам 2023 – 411 млн фунтов из 7,6 млрд фунтов налоговых компенсаций, что соответствует 46,1 млрд фунтов трат на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы⁴.

Одно из основных требований государства – поддержка должна доставаться строго компаниям, которые де-факто осуществляют экономическую деятельность на территории Великобритании и создают рабочие места. С этой целью общий размер налоговой компенсации ограничен 20 тыс. фунтов + 300% налогов и страховых взносов компании за всех сотрудников в отчётный период. Исключение составляют компании, регистрирующие интеллектуальную собственность и осуществляющие научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы силами британских же подрядчиков⁵.

¹ Check if you can claim Research and Development (R&D) tax relief // GOV.UK: site. URL: <https://www.gov.uk/guidance/corporation-tax-research-and-development-rd-relief> (дата обращения: 12.02.2026).

² Heading 14 – Computer services supplied to the specification of the recipient // GOV.UK: site. URL: <https://www.gov.uk/hmrc-internal-manuals/vat-government-and-public-bodies/vatgp10010> (дата обращения: 12.02.2026).

³ £55 billion R&D funding boost to unlock UK breakthroughs from health to clean energy // GOV.UK: site. URL: <https://www.gov.uk/government/news/55-billion-rd-funding-boost-to-unlock-uk-breakthroughs-from-health-to-clean-energy> (дата обращения: 12.02.2026).

⁴ Research and Development Tax Credits Statistics // GOV.UK: site. URL: <https://www.gov.uk/government/statistics/background-information-and-quality-report-research-and-development-tax-credits/background-information-and-quality-report-research-and-development-tax-credits> (дата обращения: 12.03.2026).

⁵ R&D Tax Reliefs: reformed reliefs: PAYE cap // GOV.UK: site. URL: <https://www.gov.uk/hmrc-internal-manuals/corporate-intangibles-research-and-development-manual/cird140000> (дата обращения: 12.02.2026).

Не отстают от создателей мер стимулирования разработки высоких технологий и их коллеги с противоположными задачами. Пока одна часть Управления по налоговым и таможенным сборам Великобритании ищет способы поддержать разработчиков, другая – определяет отличительные признаки торгово-экономической деятельности, чтобы обложить предприятия и частных лиц дополнительным налогом. В числе таких признаков:

- намерение получения прибыли;
- количество сделок на субъекта;
- отсутствие сценариев использования актива, отличного от продажи;
- наличие (на рынке) аналогичных торговых сделок или иной монетизации;
- модификация актива с целью увеличения его оценки / стоимости;
- манера продажи (типичная для торговых предприятий);
- источники финансирования сделки (банковские);
- короткий интервал между покупкой и продажей актива;
- способ приобретения (не наследство / подарок)¹.

И вновь следует обратить внимание на то, что вышеприведённые признаки используются в фискальной практике Великобритании много лет и не имеют прямого прицела на предприятия, использующие роботов или искусственный интеллект. Признаки, указывающие на создание добавочной стоимости прибыли посредством искусственного интеллекта без научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в этой области, пока только предстоит выделить. Однако Управление по налоговым и таможенным сборам Великобритании уже начинает

двигаться в направлении ужесточения налогообложения экономической деятельности, осуществляемой с использованием искусственного интеллекта и роботизации. Пока это реализуется через более строгое отношение к налоговым льготам на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы. Так, если из 2023 фискального года перепроверялись на соответствие требованиям 10% присуждённых заявок, то годом позже уже 17%. Это можно считать первым шагом в сторону более жёсткой дифференциации между разработкой искусственного интеллекта и его применением.

Анализ британской фискальной политики в области налогообложения экономической деятельности по разработке или использованию искусственного интеллекта и роботизации позволяет говорить о том, что ее отдельные меры модальны к адаптации в российском правовом порядке. В частности, в Указе Президента от 28 февраля 2024 г. № 145 «О стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» говорится, что ключевым фактором, определяющим конкурентоспособность национальных экономик, является высокий темп освоения новых знаний и создание наукоемкой продукции на собственной технологической основе. Вместе с тем отмечается слабость взаимодействия сектора научных исследований и разработок с реальным сектором, а также разомкнутость единого инновационного цикла проведения научных исследований, создания разработок и коммерциализации технологий. Для преодоления данных негативных тенденций возможно предусмотреть налоговую компенсацию разработчикам искусственного интеллекта и роботизации за научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, а также специальные налоговые ставки лицам, зарегистри-

¹ BIM20205 – Meaning of trade: badges of trade: summary // GOV.UK: site. URL: <https://www.gov.uk/hmrc-internal-manuals/business-income-manual/bim20205> (дата обращения: 12.02.2026).

стрировавшим патенты или иные результаты интеллектуальной деятельности.

Отметим, что разработанная модель правового инжиниринга налогообложения в значительной степени определяет конкурентоспособность экономики любой страны мира на современном этапе, на что указывают С.А. Филин и Л.А. Чайковская [5], а также В.В. Великороссов, С.А. Филин и О.Н. Калинина [6]. Интересно, что в одном из первых исследований данного вопроса В. Чанд, С. Костици, А. Рейс рекомендовали приравнять искусственный интеллект и роботов к личностям и собирать с них налоги аналогично обычным сотрудникам [7, с. 729]. В отечественных исследованиях, в частности, В.С. Блинова [8] и А.В. Нечкина [9], посвященных феноменам искусственного интеллекта и роботизации, также фигурировала идея о том, что таковые могут быть потенциально приравнены к субъектам права.

Однако более глубокий и современный подход, представленный в работах Л.Ю. Василевской [10], З.А. Ахметьяновой и А.Р. Ахметьянова [11], С.Е. Чанова [12], говорит о том, что хотя такой взгляд на проблему и допустим, но все же является больше фантастическим представлением; вывод о правосубъектности искусственного интеллекта ошибочен. Основной прием правового регулирования – правонаделение применимо только лишь в отношении лиц. «Субъектом правоотношения с использованием искусственного интеллекта, того же робота, является человек, владеющий или пользующийся им, например, разработчик соответствующей компьютерной программы» [13], и характер правомочий последних является монопольным [14]. Так, например, разработчики искусственного интеллекта могут как вновь создавать технологию, так и заниматься ее обучением [15].

Выводы

Целесообразно разработать разноразноуровневую, дифференцированную и замкнутую модель налогообложения лиц, разрабатывающих или использующих технологии искусственного интеллекта и роботизации. В частности:

1. Разграничить налогообложение технологий искусственного интеллекта от роботизации.

2. Дифференцировать регуляторные окна налогообложения лиц, разрабатывающих или использующих технологии искусственного интеллекта или роботизации.

3. Внутри каждой из обозначенных категорий при необходимости следует выделять отдельные направления, требующие особой регламентации в зависимости от уровня сложности осуществляемой деятельности. Разработчики искусственного интеллекта и роботизации, прибегающие к научно-исследовательской или опытно-конструкторской деятельности или коммерциализирующие результаты интеллектуальной деятельности, могут также претендовать на меры налогового стимулирования.

Налогообложение лиц, осуществляющих деятельность с использованием искусственного интеллекта и роботизации, целесообразно также сегментировать. Очевидно, что использование отдельных технологий искусственного интеллекта и роботизации (в частности, программное обеспечение) требует льготирования, в то время как реализация продуктов, созданных с помощью искусственного интеллекта, наоборот, требует консервативного / прогрессивного налогообложения.

4. Разработать контур контроля за эффективностью предоставляемых мер налоговой поддержки разработчикам и применителям технологий искусственного интеллекта и роботизации.

Список литературы

1. Чердаков О.И., Куликов С.Б. Обеспечение безопасности социально-экономических институтов в связи с внедрением технологий искусственного интеллекта в России // *Безопасность бизнеса*. 2022. № 6. С. 3–9.
2. Лютова О.И. Актуальные вопросы правового регулирования налоговых отношений в условиях применения технологии искусственного интеллекта // *Актуальные проблемы российского права*. 2023. Т. 18, № 7. С. 62–70.
3. Рябова Е.В. Налогообложение в контексте массовой роботизации и внедрения искусственного интеллекта // *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*. 2021. № 9. С. 105–112.
4. Мажорина М.В., Никишин В.Д., Никитина А.А. Правовой инжиниринг в системе обеспечения НТР, проектного и процессного управления организациями // *Актуальные проблемы российского права*. 2025. Т. 20, № 8. С. 165–181.
5. Филин С.А., Чайковская Л.А. Налоги в цифровой экономике и киберфизические технологии // *Международный бухгалтерский учет*. 2020. № 8. С. 941–958.
6. Великороссов В.В., Филин С.А., Калинина О.Н. Цифровая экономика: терминологическая ретроспектива, современность и будущее // *Экономический анализ: теория и практика*. 2020. Т. 19, № 4. С. 707–721.
7. Chand V., Kostić S., Reis A. Taxing artificial intelligence and robots: critical assessment of potential policy solutions and recommendation for alternative approaches – sovereign measure: education taxes / global measure: global education tax or planetary tax // *Word Tax Journal*. 2020. Vol. 12, no. 4. P. 711–761.
8. Блинов В.С. Новые технологии – старые проблемы. Искусственный интеллект как субъект права // *Право и бизнес*. 2022. № 4. С. 3–9.
9. Нечкин А.В. Конституционно-правовой статус искусственного интеллекта в России: настоящее и будущее // *Lex russica*. 2020. Т. 73, № 8. С. 78–85.
10. Василевская Л.Ю. Кодекс этики для искусственного интеллекта // *Гражданское право*. 2023. № 2. С. 19–22.
11. Ахметьянова З.А., Ахметьянов А.Р. Искусственный интеллект – объект или субъект права? // *Юрист*. 2024. № 6. С. 24–29.
12. Чаннов С.Е. Робот (система искусственного интеллект) как субъект (квазисубъект) права // *Актуальные проблемы российского права*. 2022. № 12. С. 94–109.
13. Попондопуло В.Ф. Правосубъектность как общая предпосылка правообладания: дискуссионные вопросы // *Журнал российского права*. 2025. № 3. С. 67–78.
14. Big AI's regulatory capture: mapping industry interference and government complicity / A. Birhane, R. Angius, W. Agnew, H.J., Pandit B. Mitra, R. Dobbe [et al.] // *ACM Conference on Fairness, Accountability, and Transparency*. 2026. Vol. 1, no. 9. P. 283–295.
15. Ершова И.В., Тарасенко О.А. Изъятия норм федерального законодательства при установлении экспериментального правового режима // *Хозяйство и право*. 2025. № 7. С. 25–35.

Reference

1. Cherdakov O.I., Kulikov S.B. Ensuring the security of socio-economic institutions in connection with the introduction of artificial intelligence technologies in Russia. *Bezopasnost' biznesa = Business Security*. 2022;(6):3-9. (In Russ.)
2. Lyutova O.I. current issues of legal regulation of tax relations in the context of the application of artificial intelligence technology. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Current Problems of Russian Law*. 2023;18(7):62-70. (In Russ.)
3. Ryabova E.V. Taxation in the context of mass roboticization and the introduction of artificial intelligence. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYUA) = Curier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2021;(9):105-112. (In Russ.)

4. Mazhorina M.V., Nikishin V.D., Nikitina A.A. Legal engineering in the system of ensuring scientific and technological progress, project management, and process management of organizations. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Actual Problems of Russian Law*. 2025;20(8):165-181. (In Russ.)
5. Filin S.A., Tchaikovskaya L.A. Taxes in the digital economy and cyber-physical technologies. *Mezhdunarodnyj buhgalterskij uchet = International Accounting*. 2020;(8):941-958. (In Russ.)
6. Velikorossov V.V., Filin S.A., Kalinina O.N. Digital economy: terminological retrospective, modernity, and the future. *Ekonomicheskij analiz: teoriya i praktika = Economic Analysis: Theory and Practice*. 2020;19(4):707-721. (In Russ.)
7. Chand V., Kostić S., Reis A. Taxation artificial intelligence and robots: critical assessment of potential policy solutions and recommendation for alternative approaches – sovereign measure: education taxes / global measure: global education tax or planetary tax. *Word Tax Journal*. 2020;12(4):711-761.
8. Blinov V.S. New technologies – old problems. artificial intelligence as a subject of law. *Pravo i biznes = Law and Business*. 2022;(4):3-9. (In Russ.)
9. Nechkin A.V. The constitutional and legal status of artificial intelligence in Russia: present and future. *Lex russica*. 2020;73(8):78-85. (In Russ.)
10. Vasilevskaya L.Yu. Code of ethics for artificial intelligence. *Grazhdanskoe pravo = Civil Law*. 2023;(2):19-22. (In Russ.)
11. Akhmetyanova Z.A., Akhmetyanov A.R. Artificial intelligence: an object or a subject of law? *The Jurist = Lawyer*. 2024;(6):24-29. (In Russ.)
12. Channov S.E. Robot (artificial intelligence system) as a subject (quasi-subject) of law. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Actual Problems of Russian Law*. 2022;(12):94-109. (In Russ.)
13. Popondopulo V.F. Legal personality as a general prerequisite for ownership: discussion issues. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*. 2025;(3):67-78. (In Russ.)
14. Birhane A., Angius R., Agnew W., Pandit H.J., Mitra B., Dobbe R., et. al. Big AI's regulatory capture: mapping industry interference and government complicity. *ACM Conference on Fairness, Accountability, and Transparency*. 2026;1(9):283-295.
15. Ershova I.V., Tarasenko O.A. Exemptions from federal legislation in the establishment of an experimental legal regime. *Hozyajstvo i pravo = Economy and law*. 2025;(7):25-35. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Тарасенко Ольга Александровна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права, почетный работник сферы образования Российской Федерации, арбитр Российского арбитражного центра по разрешению споров в атомной отрасли, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Российская Федерация, e-mail: oatarasenko@msal.ru, ORCID: 0000-0002-5699-1208

Olga A. Tarasenko, Doctor of Sciences (Juridical), Associate Professor, Professor of the Department of Business and Corporate Law, Honorary Worker of Education of the Russian Federation, Arbitrator of the Russian Arbitration Center for Dispute Resolution in the Nuclear Industry, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation, e-mail: oatarasenko@msal.ru, ORCID: 0000-0002-5699-1208